

А.А. Федотов

Главный редактор научного журнала «На пути к гражданскому обществу», доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала ЧОУ ВО «Институт управления», почетный работник науки и высоких технологий РФ

«Бремя белого человека» и «Последняя молитва»

Рубеж XIX-XX веков характеризовался развитием глобализационных империалистических процессов. Британская империя была с одной стороны на пике своего могущества; с другой – стремительно приближалась к своему закату. Воспевание цивилизаторской миссии Британии, апология империализма, представляемого как добровольное мученичество для «спасения» «отсталых наций», наверное, лучше всего выражены в небольшом стихотворении «Бремя Белого Человека», написанном в самом конце XIX века Редьярдом Киплингем:

*«Неси это гордое Бремя –
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли –
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.*

<...>

*Неси это гордое Бремя –
Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен:
"Чего ты хочешь, проклятый,
Зачем смущаешь умы?
Не выводи нас к свету
Из милой Египетской Тьмы!"» [6].*

Характерно, что в это же время многие английские писатели чувствовали приближение катастрофы, краха старого мира. Особенно острым стало ощущение, что подлинная радость и счастье находятся за пределами категорий, которые большинство англичан того времени считали единственно реальными. Появляются прекрасные произведения, в которых с одной стороны – тоска по недоступному Раю, с другой – утверждение, что Рай не где-то далеко, он всегда рядом, просто нужно суметь его увидеть. Интересно отметить, что эта тоска по Раю сквозила и в произведениях некоторых авторов совсем далеких от христианства по своим взглядам. И в то же время – многие английские авторы писали об аде, поднявшемся на землю, на которой забыли про Бога.

«Бремя белого человека» – термин, широко использовавшийся империалистической пропагандой. И тем интереснее обращение к нему современного американского исследователя профессора Джона Беллами Фостера, использовавшего его в названии своей монографии вместе с характеристикой американской глобальной экспансионной политики начала третьего тысячелетия как «откровенного империализма» [3].

Он писал: «Действия США в глобальном масштабе после 11 октября 2001 года часто считают "новым милитаризмом" и "новым империализмом". Тем не менее, ни милитаризм, ни империализм – не новинка для США, которые с самого начала были экспансионистской державой – континентальной и глобальной. Что изменилось? – откровенность, с которой происходит экспансия.

Амбиции США стали поистине безграничными – планетарными» [3, с. 10]. «У милитаризма и империализма США глубокие корни в истории США и политико-экономической логике капитализма. Как готовы признать даже сторонники американского империализма, США были империей с самого начала. <...> После Второй мировой войны США и другие главные империалистические государства отказались от своих официальных политических империй, но сохранили неофициальные экономические империи, поддерживая право на них с помощью угроз применить силу и нередко реальными военными интервенциями. «Холодная война» оттеснила эту неокOLONиальную реальность на второй план, но никогда не скрывала ее полностью» [3, с. 13-14].

«То, что США являются доминирующей глобальной империей – современным Римом – совершенно очевидно. Начиная с 1940-х годов США включилось в борьбу за сохранение и даже расширение своих позиций как самой первой военной, экономической и политической силы в мире. США – ведущий в мире продавец вооружений. И они сеяли смерть и разрушения среди населения большего числа стран земного шара больше, чем любая другая страна за период после окончания Второй мировой войны» [3, с. 30].

В противоположность Д.Б. Фостеру, современные глобализационные процессы, осуществляемые под эгидой США, американский политический философ Майкл Хардт и итальянский социолог и политический философ Антонио Негри в своей весьма интересной монографии назвали не «откровенным империализмом», а «империей».

Как они писали, «под «Империей» мы понимаем нечто, совершенно отличное от «империализма». Границы, определенные системой национальных государств современности, были основой европейского колониализма и экономической экспансии: территориальные границы нации определяли центр власти, из которого осуществлялось управление внешними территориями – территориями других государств – через систему каналов и барьеров, то способствовавших, то препятствовавших потокам производства и обращения. В действительности империализм был распространением суверенитета национальных государств Европы за пределы их собственных границ. Переход к Империи порождается упадком суверенитета современного типа. В противоположность империализму Империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы или преграды. Это – децентрализованный и детерриториализованный, то есть лишенный центра и привязки к определенной территории, аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы. Империя управляет смешанными, гибридными идентичностями, гибкими иерархиями и множественными обменами посредством модулирования командных сетей. Различные национальные цвета на карте мира времен традиционного империализма размываются и сливаются в радугой глобальной империи» [4, с. 12]. «Многие полагают, что роль центра власти, управляющего процессами глобализации и стоящего во главе нового мирового порядка, принадлежит Соединенным Штатам. Если девятнадцатый век был британским, то двадцатый век стал американским, или, вообще говоря, если современность была европейской, то постсовременность является американской» [4, с. 33-34].

Новая империя действует полицейскими методами, даже самые масштабные военные действия представляя лишь необходимыми мерами по поддержанию международного порядка. Как пишут М. Хардт и А. Негри «Сегодня Империя возникает как центр, поддерживающий глобализацию сетей производства, она далеко забрасывает свой широкий невод, стремясь подчинить себе все властные отношения внутри имперского мирового порядка, развертывая в тоже самое время мощные полицейские силы, направленные против новых варваров и восставших рабов, угрожающих ее порядку. Власть Империи кажется подчиненной неустойчивой динамике власти на местах и часто меняющимся, половинчатым юридическим решениям, посредством которых Империя пытается именов «чрезвычайных» административных мер вернуться к нормальному состоянию, никогда не достигая при этом окончательного успеха. Однако именно эти черты были свойственны Древнему Риму в период упадка, что так раздражало его поклонников эпохи Просвещения» [4, с. 33-34]. «Моральное вмешательство часто служит первым актом, готовящим сцену для военной интервенции. В подобных случаях использование военной силы преподносится как санкционированная мировым сообществом полицейская акция. Сегодня военное вмешательство во все меньшей мере оказывается результатом решений, исходящих от структур старого международного порядка или даже от ООН. Гораздо чаще оно предпринимается по одностороннему повелению Соединенных Штатов, которые берут на себя решение основной задачи, а затем просят своих союзников приступить к процессу военного сдерживания и/или подавления нынешнего врага Империи. Чаще всего этих врагов называют террористами, что являет собой грубую концептуальную и терминологическую редукцию, коренящуюся в полицейской ментальности» [4, с. 48].

Современный империализм использует средства принуждения качественно иного уровня, чем сто лет назад. «Теперь власть осуществляется посредством машин, которые напрямую целенаправленно воздействуют на умы (посредством коммуникационных систем, информационных сетей и так далее) и тела (через системы соцобеспечения, мониторинг деятельности и тому подобное), формируя состояние автономного отчуждения от смысла жизни и творческих устремлений. Таким образом, общество контроля характеризуется интенсификацией и генерализацией аппаратов дисциплинарной нормализации, которые служат внутренней движущей силой наших повседневных практик, но, в отличие от дисциплины, этот контроль распространяется далеко за пределы структурного пространства социальных институтов, действуя посредством гибких и подвижных сетей» [4, с. 36].

Качественно иного уровня достигли и современные монополии. «Деятельность корпораций больше не определяется применением абстрактного принуждения и неэквивалентного обмена. Скорее, они напрямую структурируют и соединяют территории и население. Они стремятся к тому, чтобы превратить национальные государства всего лишь в инструменты учета приводимых в движение транснациональными корпорациями потоков товаров, денег и населения. Транснациональные корпорации напрямую распределяют рабочую силу по различным рынкам, размещают ресурсы на основе функционального принципа и иерархически организуют различные секторы мирового производства» [4, с. 43].

Возражая их утверждению о том, что век империализма остался в прошлом, а последней империалистической войной была вьетнамская, Д.Б. Фостер заявляет о начале третьего тысячелетия, что «...сегодня империализм осуществляется властными структурами США намного откровеннее, чем в любой период после 1890-х годов» [3, с. 15]. «Подлинные перемены для США принесли крах советского блока. <...> Иракское вторжение в Кувейт предоставило США предлог для начала на Среднем Востоке большой войны. Во время войны в Персидском заливе было убито от 100 до 200 тысяч иракских солдат и около 15 тысяч мирных жителей погибли во время американских и английских бомбардировок. Оценивая то, что он считал одним из главных результатов войны, президент Буш заявил в апреле 1991 года: "Клянусь, мы справились-таки с вьетнамским синдромом"» [3, с. 18-19].

«В Афганистане вооруженные силы США пытаются уничтожить тех самых террористов, которых своими же руками и создавали. Забыв о собственных конституционных принципах в международном масштабе, США долгое время поддерживали террористические группы всякий раз, когда это отвечало их собственным империалистическим замыслам и планам, и сами осуществляли государственный терроризм, убивая гражданское население» [3, с. 57]. «Глобальная экспансия военной мощи государства-гегемона мирового капитализма – составная часть глобализации экономики. Сказать «нет» этой форме военной экспансии – значит вместе с тем сказать «нет» капиталистической глобализации и империализму» [3, с. 109].

Борьба в глобальном мире начала третьего тысячелетия ведется не столько в форме «горячих» конфликтов, сколько в экономической, политической и информационной сферах. Современный российский экономист, автор фундаментальных работ по экономической теории А.Ю. Быков обращает внимание на то, что в эпоху цифровой экономики опровергается доктрина Маркса «товар – деньги – товар»: «Деньги рождают не товар, а горячий воздух, который обменивается на деньги. 200 млрд долларов живых денег в основе пирамиды дериватов стоимостью 1000 триллионов долларов полностью контролируют все учетные ставки, стоимость государственных ценных бумаг, цены на золото, недвижимость, нефть металлы и другие чувствительные товарные группы» [1, с. 16].

Нужно отметить, что с победой на президентских выборах в США Дональда Трампа противоречия внутри элит в США и в целом в американском обществе обострились так сильно, как не было, наверное, со времен гражданской войны 1861-1865 гг. В определенной мере победа Трампа на президентских выборах – это революция промышленного капитала против банковского; а начавшая практически сразу после выборов почти открытая война против президента США – попытка реванша. Одна из причин яростной антитрамповской борьбы – в том, что он считает, что Америке хватает своих проблем; глобальная миссия и «бремя белого человека» – перестали быть актуальными.

Как писал современный российский экономист и политик М.Г. Делягин «В результате кардинального упрощения коммуникаций в ходе глобализации сложился принципиально новый всемирно-исторический субъект: глобальный управляющий класс, обслуживающий интересы различных групп глобального бизнеса. <...> Отдельные люди и целые народы многократно восставали против этого неокOLONиализма, но пока питающий глобальный бизнес глобальный рынок не исчерпал свои

ресурсы и не был подорван собственными порождениями – глобальными монополиями, – эти протесты были обречены на поражение. Сегодня ситуация кардинально изменилась: глобальный рынок распадается, и глобальный бизнес (а с ним его политико-идеологический инструмент – глобальный управляющий класс) стоит перед реальной перспективой утраты среды своего обитания.

<...> Из мира либеральных спекуляций он пытается (по-видимому, искренне) построить – по крайней мере, в Америке — мир национально ориентированного производства. Трамп стал символом и выразителем интересов тех сил – причём не только в одних лишь США, но и в самом глобальном бизнесе, – которые не готовы жертвовать Америкой ради глобальных спекуляций и совершенно спокойно пожертвуют ими ради Америки. <...> Практически впервые в истории теряют значение противоречия между патриотами разных стран, в том числе – и прямо конкурирующих друг с другом. Они оказываются попросту незначительными перед глубиной общих противоречий между силами, стремящимися к благу отдельно взятых обществ, и глобального управляющего класса, равно враждебного любой обособленной от него общности людей»[2].

«Бремя белого человека», служившее одним из красивых пропагандистских прикрытий истинных целей глобального управляющего класса, на сегодня все больше превращается в реликт; уже и им самим оно давно не востребовано, как «не толерантное».

В 2004 году американский профессор Нейл Фергюссон писал: «Никто сегодня не осмелится использовать такой политически некорректный язык. Тем не менее, реальность такова, что Соединенные Штаты, признают они в этом или нет, взяли на себя своего рода глобальное бремя, как нас призывал Киплинг. Они считают себя ответственными не только за ведение войны с терроризмом, но также за распространение за рубежом преимуществ капитализма и демократии. И как и Британская империя, американская империя неизменно действует во имя свободы даже тогда, когда преследует собственные интересы»[5, с. 369].

Сегодня же глобализация все более размывает идентичности, приобретая все более ярко выраженный дегуманистический характер. И для англосаксонского мира все более актуально звучат слова другого стихотворения Редьярда Киплинга «Последняя молитва»:

*«Far-called our navies melt away --
On dune and headland sinks the fire --
Lo, all our pomp of yesterday
Is one with Nineveh and Tyre!
Judge of the Nations, spare us yet,
Lest we forget -- lest we forget!*

*(Растаял флот, потрясший мир.
Мы бредим славою вчерашней
Так пусть Ниневия и Тир
Нас отрезвят судьбиной страшной.
Судья Народов, в этот час
Помилуй нас – помилуй нас!
Перевод Е. Фельдмана)»[7].*

Библиографический список:

1. Быков А.Ю. Лоббистика для президентов. Москва: Проспект, 2019.
2. Делягин М. Г. Революция Трампа против глобальных монополий http://zavtra.ru/blogs/revolyutciya_trampa (дата обращения 21.12.2019).
3. Фостер Д.Б. Откровенный империализм – «бремя белого человека». М., 2007.
4. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
5. Niall Ferguson *Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power.* New York: Basic Books, 2004.
6. <http://klock.livejournal.com/122502.html> (дата обращения 6 ноября 2013 года)
7. <http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=10903> (дата обращения 21.12.2019).

©Федотов А.А., 2020